

ИСТОКИ РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИКИ КАНАДЫ (по мемуарам, письмам и статьям канадских послов в СССР, с привлечением некоторых других источников)

© 2016 г. **Е.Г. Комкова***

Статья поступила в редакцию 18.05.2016.

Основы послевоенной политики Канады в отношении СССР/России закладывались в конце Второй мировой войны и в начале «холодной войны». Среди тех, кто стоял у истоков её формирования – Л. Пирсон, а также первые поверенные в делах и послы Канады в СССР Д. Уилгресс (1942–1947 гг.), Дж. Холмс (1947–1948 гг.) и Р. Форд (1947, 1951–1954, 1964–1980 гг.). В обсуждении и разработке стратегии принимали участие и другие видные канадские дипломаты того времени. Большинство из них оставили после себя документы, мемуары, письма и статьи, внимательное прочтение которых позволяет выявить принципы и подходы канадской дипломатии на советском/российском направлении, некоторые из которых, как представляется, актуальны и поныне.

Ключевые слова: советско-канадские и российско-канадские отношения, «холодная война», политика Канады в отношении СССР/России, Л. Пирсон, Д. Уилгресс, Дж. Холмс, Р. Форд.

Канада установила дипломатические отношения с СССР только в 1942 г., на девять лет позже, чем это сделали США. Непосредственной причиной послужило общее участие в антигитлеровской коалиции. В межвоенный период Канада была озабочена утверждением своей самостоятельности во внешних делах, поскольку до Вестминстерского статута 1931 г. функцию внешних сношений выполнял за неё британский Форин офис. До начала Второй мировой войны Канада имела дипломатические представительства только в шести странах – Великобритании, США, Франции, Японии, Бельгии и Нидерландах. Двусторонние отношения с нашей страной в конце Второй мировой войны и в первые послевоенные годы строились Оттавой, по существу, с чистого листа, с оглядкой на Лондон и Вашингтон, и с учётом усилившихся международных позиций СССР и Канады. В глазах западных политиков Советский Союз из региональной державы превратился в мировую державу только по итогам Второй мировой войны.

Канадская политика была, без сомнения, неотъемлемой частью общей линии Запада (потом НАТО) в отношении СССР. Но в то же время она имела и свою специфику. Эта специфика была связана с тем, что, во-первых, Канада

* **КОМКОВА Елена Геннадиевна** – доктор экономических наук, заведующая сектором политических проблем Канады Института США и Канады РАН (ИСКРАН). Российская Федерация, 121069, Москва, Хлебный пер., 2/3 (racs@yandex.ru).

была хотя и важным, но не главным участником западного лагеря, во-вторых, у неё были «особые отношения» с США, от которых она сильно зависела, особенно в кризисные периоды, и, в-третьих, внутри Канады проживали значительные группы населения, враждебно настроенные к СССР. Конкретная конфигурация канадской политики в отношении Советского Союза определялась решениями политической элиты этой страны, которые во многом опирались на мнения и донесения первых послов и посланников Канады в Москве.

Ключевые фигуры – Л. Пирсон, Д. Уилгресс, Р. Форд, Дж. Холмс

Здесь следует сделать небольшое отступление, цель которого – показать особенности принятия внешнеполитических решений в Канаде в первые послевоенные годы и кратко охарактеризовать мировоззренческие взгляды и профессиональные квалификации лиц, стоявших у истоков формирования политики Канады в отношении Советской России.

Начать наверное, следует с того, что первый министр иностранных дел в Канаде появился только в 1946 г., когда престарелый премьер-министр М. Кинг решил доверить эту должность своему любимцу Л. Сен-Лорану, ставшему через несколько лет его преемником и на посту премьер-министра. До этого в течение нескольких десятилетий глава правительств выполнял и обязанности министра иностранных дел, считая их достаточно важными и не слишком обременительными, чтобы доверить кому-то другому. Вместо ушедшего на повышение Л. Сен-Лорана министром иностранных дел стал профессиональный дипломат – Л. Пирсон. Специалисты пишут, что тандем Сен-Лоран – Пирсон в 1948–1957 гг. обеспечил прорыв во внешнеполитических делах, а это время вошло в историю как «золотое десятилетие канадской дипломатии».

В отличие от М. Кинга, стоявшего у руля власти 22 года и проводившего на мировой арене осторожную и в целом изоляционистскую политику, Л. Пирсон и Л. Сен-Лоран выступали за активное участие Канады в международных делах. В отношениях с СССР Пирсон придерживался жёсткой линии, хотя и с некоторыми нюансами. По мнению известного историка консервативного направления Д. Беркюсона, Пирсон воспринимал СССР как государство, «организованное на полицейский манер, управляемое безжалостными деспотами, населённое миллионами воевавших граждан, которые живут очень трудно и не слишком ценят свою жизнь, и которое вдохновляется динамичной коммунистической идеологией». Без «фундаментальных изменений» в Советском Союзе, отмечал Пирсон в ноябре 1946 г., открытый конфликт с Западом неизбежен. Это не означает «войну сегодня или завтра», но означает войну в конечном счёте [8, p. 92].

Другой канадский исследователь – Дж. Инглиш обращает внимание на двойственное отношение Пирсона к нашей стране. «С одной стороны, – пишет он, – Пирсон полагал, что советская система «радикально отличается» от англо-американской демократии... С другой стороны, Пирсон подчёркивал определённую уместность для Канады советского «эксперимента»: будущее СССР

не может и не должно стать будущим Канады, но оно будет оказывать существенное воздействие на канадское развитие» [11, р. 106].

Л. Пирсон стремился к тому, чтобы каналы связи с СССР оставались открытыми. Возможность компромисса, который становился всё более неприемлемым для Запада, была для него вполне реальной. Выступая перед сенатским комитетом по внешним делам парламента Канады в апреле 1956 г., он так описал стоящую перед ним дилемму, вызванную его стойким антикоммунизмом, с одной стороны, и приверженностью переговорам и компромиссам — с другой: «Я не уверен, сможем ли мы конструктивно сотрудничать с любым коммунистическим режимом на благо людей всего мира... Но неверие в возможность сосуществования с народами этих стран означает неизбежность войны» [11, р. 108].

Пирсону представлялось невероятным, «чтобы советские правители бросили открытый вызов демократии именно в той области, в которой мы обладаем превосходством сил — в области современного вооружения, — и стали бы рисковать собственным существованием и существованием своей империи. Есть достаточно доказательств того, что основным принципом коммунистической стратегии является наступление, при котором используются так называемые "противоречия" и выискиваются те места, где, по мнению коммунистов, мы слабы. Действуя в этом направлении, они почти наверняка полагают, что менее рискованно и более выгодно пытаться расколоть и расчленить коалицию, а главное — изолировать Соединённые Штаты от их друзей и союзников» [3, с. 31].

С Л. Пирсоном солидаризировались многие видные канадские дипломаты того времени, в числе которых Э. Рейд, Х. Ронг, первый посол Канады в СССР Д. Уилгресс, а также Ч. Ритчи и Х. Райт. Все они воспринимали СССР как государство, управляемое безжалостными режимами, практиковавшее репрессии внутри страны и безудержный экспансионизм вовне. С их точки зрения, это было государство, действовавшее по совершенно иным нормам и правилам, чем Запад. В основе их мировоззрения лежал антикоммунизм. Но не он один. Они считали советскую внешнюю политику производной нескольких факторов. При этом главными признавались три: грубый авторитарный характер сталинского режима, традиционные императивы российской внешней политики и коммунистическая идеология [8, р. 92]. В одном служебном документе, подготовленном в канадском МИДе, предположительно, осенью 1946 г., говорилось так: «Советский Союз преследует в основном те же самые цели, что и царская Россия, но в отличие от неё он не признаёт традиционные приёмы дипломатии» [Цит. по: 8, р. 92].

Важная роль в формировании и осуществлении канадской внешней политики на советском направлении отводилась послам Канады в Москве. Первые эмиссары в Москве были людьми весьма влиятельными. Тот большой кредит доверия, которым их наделили, позволял им выходить за рамки служебной иерархии и простого исполнительства и оказывать существенное влияние на формирование и проведение «русской» политики Канады. О тщательности подбора кандидатов свидетельствует, например, такой факт: на должность первого посла Канады в СССР рассматривались семь кандидатур [6, р. 6],

прежде чем выбор пал на самого опытного – Д. Уилгресса. Впервые он посетил Россию ещё в 1916 г., затем был канадским торговым представителем в Омске и Владивостоке, а в 1936 г. сопровождал в поездке по СССР тогдашнего министра торговли Канады У.Д. Юлера (*W.D. Euler*). До того как стать послом, Д. Уилгресс занимал должность заместителя министра торговли и коммерции Канады. Его сменщик Дж. Холмс был в 1940–1950-х годах ментором многих молодых дипломатов, конфиденнтом некоторых известных политиков и автором по меньшей мере трёх значимых книг о канадской внешней политике. Р. Форд поставил рекорд по продолжительности пребывания в СССР – с перерывами почти 21 год, из них свыше 16 лет в ранге главы канадской дипломатической миссии и 8 лет в качестве дуайена дипломатического корпуса в Москве. Он также известен как поэт и переводчик (в том числе произведений любимых им советских поэтов), выпустивший семитомное собрание своих стихов и удостоенный премии генерал-губернатора Канады.

Многие послы хорошо говорили по-русски, в том числе Д. Уилгресс (у которого, к тому же, была русская жена), Р. Форд (который начал изучать русский язык ещё в 1940 г., когда поступил на работу в канадское Министерство внешних сношений (как тогда назывался канадский МИД) и Дж. Уоткинс (1948–1951*, 1954–1956 гг.), который знал язык достаточно хорошо, имел многочисленные знакомства в Москве и был в состоянии в одиночку путешествовать по Средней Азии в 1954 г. после открытия этой части СССР для посещения дипломатами. В период пребывания в Москве русский язык изучал и Дж. Холмс (об этом есть упоминание в его воспоминаниях).

Политолог Б. Фаррелл – автор классического труда «Выработка канадской внешней политики» – приводит список из 24 выдающихся дипломатов, в числе которых Л. Сен-Лоран и Л. Пирсон, а также четыре первых канадских посла в Москве – Д. Уилгресс, Дж. Холмс, Дж. Уоткинс и Р. Форд. В этом списке встречается ещё несколько фамилий, так или иначе связанных с нашей страной, – Дж. Игнатъевф, сопровождавший Л. Пирсона в его поездке в СССР в 1955 г. и принимавший участие во встрече с Н.С. Хрущёвым и Н.А. Булганиным в Крыму; Э. Рейд, подготовивший в 1947 г. меморандум «Соединённые Штаты и Советский Союз: изучение возможности войны между ними и некоторые последствия для канадской политики» (*The United States and the Soviet Union: A Study of the Possibility of War and Some Implications for Canadian Policy*); Ч. Ритчи и Х. Ронг, участвовавшие в обсуждении меморандума Э. Рейда [12, р. 5].

Следует также отметить, что в исследуемый период корпус канадских дипломатов был гораздо компактнее, чем сейчас. Так, в 1942 г. во всём Министерстве внешних сношений дипломатический ранг имел только 61 человек, в 1945 г. – 107, в 1950 г. – 259, в 1960 г. – 414, в 1965 г. – 555 и в 1967 г. – 705 [12, р. 108]. Приём на дипломатическую службу осуществлялся по конкурсу, а кандидатов нередко отбирал сам Л. Пирсон.

Это облегчало контакты и приводило к более быстрому и часто неформальному решению вопросов. Как свидетельствует канадский политолог

* В эти годы Дж. Уоткинс имел ранг поверенного в делах *ad interim*.

Э. Эндрю, «в такой маленькой организации, какой был канадский МИД в 1940-е и 1950-е годы все знали друг друга хотя бы понаслышке. Большинство вопросов можно было решить при личной встрече... и с большей лёгкостью, чем это происходит в крупной организации, где значение имеют формальности и сложившиеся каналы коммуникаций» [4, р. 108, 22].

Особый вес мнению послов добавляло то обстоятельство, что в Канаде в исследуемый период был очень узкий круг специалистов по СССР. Это приводило к тому, что, как отмечает тот же Э. Эндрю, «суждения этих специалистов (включая послов)... могли приобретать диспропорционально большой вес внутри МИДа» [4, р. 91].

Канадские эксперты практически единодушно выделяют в череде канадских посланников в Москве Д. Уилгресса и Р. Форда, а также Дж. Холмса, как оказавших важное, если не определяющее влияние на содержание канадской политики в отношении СССР. Они полагают, что предложенные этими посланниками подходы и принципы ведения дел с нашей страной пережили своё время. Как резюмирует канадский историк Д. Пейдж, «без трио Уилгресс – Форд – Холмс канадская дипломатическая линия в отношении СССР могла бы быть иной» [22, р. 35-36].

Характеризуя отношение к нашей стране первых канадских эмиссаров, канадские историки и советологи сообщают следующее. Их точка зрения состояла в том, чтобы относиться к СССР «жёстко, но справедливо». Они выступали за политику сдерживания СССР «с человеческим лицом», без ненужного остракизма, – писал советолог Дж. Коллинз [10, р. 44].

Д. Уилгресс считал советскую внешнюю политику оборонительной в своей основе и был склонен объяснять действия Москвы неуверенностью в своей безопасности, корни которой кроются в российской истории. Именно он сформулировал сверхзадачу канадской политики на советском направлении: если открывается окно возможностей, отнесись к этому с подозрением, но изучи все возможности. Несмотря на то, что на официальном уровне Оттава поддерживала Доктрину Трумэна, Д. Уилгресс считал ужесточение американского курса (*a get-tough policy*) контрпродуктивным, полагая, что его результатом станет непреклонность СССР и распад антигитлеровской коалиции [10, р. 44]. Он критиковал американцев за их неспособность понять русскую точку зрения [Цит. по: 18, р. 53] и за непримиримую позицию на переговорах, а англичан – за то, что те в своих оценках не учитывали русскую ментальность [Цит. по: 22, р. 26-27].

Линия Д. Уилгресса была продолжена Дж. Холмсом и Р. Фордом. Как отмечает уже цитировавшийся Д. Пейдж, «их донесения были составлены по образцу посланий их предшественника и они подтверждали продолжение тех тенденций, которые выявил и объяснил Д. Уилгресс» [22, р. 32].

Отношение Дж. Холмса к СССР наглядно выражено в пространной депеше, которую он отправил на имя Л. Пирсона в апреле 1948 г. В ней он предлагал сочетать политику умеренного сопротивления русскому экспансионизму с усилиями, направленными на сдерживание и русских, и американцев. Холмс считал необходимыми «решительные действия по обузданию русской агрессивности», но опасался, что американцам для этого может не хватить дипло-

матического мастерства. «Если мы исходим из того, что русские могут пойти так далеко, как только они способны, но не захотят начинать войну, то мы должны быть особенно осторожными, чтобы не загнать их в угол, из которого они не смогут выйти без потери лица... При этом я полагаю чрезвычайно важным в предстоящие месяцы постараться удержать американцев от опрометчивых действий, предпринимаемых без учёта всех последствий» [10, р. 47].

По меркам «холодной войны» Р. Форд не был ни «ястребом», ни «голубем». Он не принимал советскую систему, но, в то же время вслед за Уилгрессом полагал, что советская внешняя политика, которую на Западе часто рассматривают как агрессивную, проистекает из чувства глубокой уязвимости, уходящего в историю, и носит защитный характер [29, р. 500]. Во вступлении к сборнику «Русская поэзия: Персональная антология» (*Russian Poetry: A Personal Anthology. 1985*) сам Форд написал о раздиравших его чувствах так: «Моя многолетняя работа в России в качестве дипломата была политической. Но мой интерес к русской поэзии и работа над переводами стали ключом к пониманию. Любовь к их поэзии сделала мою неприязнь к их системе в какой-то степени более терпимой» [Цит. по: 2, р. 129-130].

Наиболее важные дипломатические депеши и меморандумы первых канадских послов в Москве не только попадали на стол министра иностранных дел Канады, но и рассылались для ознакомления и комментариев видным канадским дипломатам, работавшим в центральном аппарате МИДа в Оттаве и в ключевых посольствах в Вашингтоне, Лондоне и Париже. Некоторые документы докладывались премьер-министру (например, так произошло с меморандумом, составленным Р. Фордом в сентябре 1955 г. [16, р. 112]). Известен и такой показательный эпизод: когда весной 1946 г. премьер-министр М. Кинг собрался ехать в Москву, чтобы напрямую переговорить со Сталиным о деле И. Гузенко* и о нормализации серьёзно ухудшившихся двусторонних отношений, то этому воспротивился посол Канады в Москве Д. Уилгресс, который считал, что такой шаг будет воспринят СССР как проявление слабости, и поездка не состоялась [8, р. 91].

После завершения своей службы в Москве и Д. Уилгресс, и Р. Форд ещё долгое время привлекались канадским правительством (а Р. Форд и Госдепартаментом США) в качестве экспертов по советским делам.

Роль и место СССР/России в политике Канады

В мемуарах Р. Форда названы четыре главных фактора, определяющих канадскую политику на советском/российском направлении. Это канадская «безопасность, которая почти идентична американской безопасности; внешняя

* «Дело Гузенко» — инцидент, произошедший в 1945 г., когда шифровальщик советского посольства И. Гузенко попросил политическое убежище в Канаде, выдав спецслужбам секретные шифры и сеть советских агентов в Канаде, США и Великобритании. Последовал отзыв послов и сворачивание двусторонних советско-канадских отношений, которые восстановились только после смерти И.В. Сталина и визита в СССР канадского министра иностранных дел Л. Пирсона в 1955 г. Этот шпионский скандал получил широкий международный резонанс, став предвестником «холодной войны».

торговля, в особенности зерновая...; всеобъемлющая экономическая и политическая важность канадских отношений с США; и тот факт, что значительную часть населения Канады составляют канадцы еврейского, украинского, русского и восточноевропейского происхождения, которые в силу этого остро интересуются тем, что происходит в Советском Союзе» [13, р. 89].

Предельно чётко обозначены и ограничители канадской политики в отношении нашей страны. По мнению советолога Л.Д. Коллинза, к числу внешних ограничителей относится небольшой международный вес Канады, находящий своё выражение в её статусе державы «среднего ранга», и близость к США. Из этого следует, что она не может позволить себе не разделять многие из американских воззрений и постулатов. «Совокупное действие этих факторов, – заключает Л.Д. Коллинз, означает, что внешняя политика Канады подвержена сильным искажениям; и нигде эти искажения не проявляются так сильно, как в отношениях с СССР» [10, р. 41].

Из внутренних ограничителей наиболее важно наличие в структуре населения Канады групп и анклавов, настроенных недоброжелательно к нашей стране. Показателен в этом отношении опрос, проведённый в 1943 г., который выявил силы, «чья поддержка курса на дружбу и сотрудничество с Россией будет, скорее всего, замедленной и неохотной». В опросе фигурируют четыре такие группы – католическая церковь; деловые и финансовые круги Канады, которые опасались появления социалистического правительства в Канаде; восточноевропейские иммигранты, хорошо помнящие о репрессиях коммунистов в своих странах; и некоторые фундаменталистские секты» [15, р. 80].

Хотя прошедшие семь десятилетий не могли не внести коррективы в этот перечень, исключив из него некоторых недоброжелателей или смягчив их взгляды на развитие отношений с нашей страной, фактор восточноевропейской иммиграции остаётся по-прежнему весомым. Как отмечает посол Канады в РФ в 2003–2006 гг. К. Уэстдал (*C. Westdal*), из-за присутствия в Канаде многочисленных иммигрантов из Европы, бежавших от сталинского террора, «хорошие отношения с Россией редко приносят дивиденды во внутренней политике даже в лучшие из времён» [30].

А по мнению Л. Сартти, – в прошлом исследователя, а ныне старшего дипломата посольства Канады в РФ, именно эти императивы «внутренней политики Канады были ответственны за жёсткий ответ Канады на вторжение советских войск в Афганистан и замедленную реакцию на горбачёвскую революцию... Этнический состав канадского населения скорее всего будет и дальше усложнять усилия по конструктивному участию Канады в этих процессах. Позиция канадцев, имеющих корни в бывших советских республиках, уже наложила отпечаток на канадскую "постсоветскую политику", что следует из быстрого признания Канадой независимости Украины и её готовности первой из стран "Большой семёрки" предоставить Киеву новые кредиты, не дожидаясь соглашения об урегулировании бывших советских долгов» [28, р. 165].

Представляет интерес и анализ той позиции, которую занимали в первые послевоенные годы в отношении нашей страны руководители канадских министерств «внешнего блока», а также военных кругов. Так, по свидетельству авторов капитального труда о взаимодействии США, Великобритании и Канады

с СССР в начале «холодной войны», после проведённой в 1945–1946 гг. демобилизации, маршал канадских ВВС Р. Леки (*R. Leckie*) продолжал считать, что СССР не представляет для Канады угрозы с воздуха, а бригадный генерал М. Поуп (*M.A. Pope*) высказывался за урегулирование разногласий с СССР главным образом дипломатическими средствами. Даже министр национальной обороны Б. Клакстон (*B. Claxton*), известный своими антисоветскими высказываниями, предпочитал держать военные расходы под контролем. В целом, как констатируют Л. Аронсон и М. Китчен, канадское Министерство национальной обороны «не стремилось продвигать собственные бюрократические интересы под предлогом начинающейся холодной войны». Сдержанную позицию занимали и другие важные правительственные органы. Так, Министерство торговли и коммерции не спешило протестовать против проведения Москвой автаркической внешнеторговой политики. А сотрудники Министерства внешних сношений, по словам Дж. Холмса, «никогда не оставляли надежду, что возможны разрядка и мирное сосуществование». В целом, мало кто из членов канадского правительства высказывался за проведение более жёсткой антисоветской политики. Как вспоминает в своих мемуарах Л. Пирсон, несмотря на то, что на публике время от времени делались откровенно антикоммунистические заявления, «в частном порядке Л. Сен-Лоран и другие министры выражали гораздо более умеренные взгляды» [Цит. по: 5, р. 198].

Другой важный вопрос, требующий прояснения, – о месте нашей страны во внешней политике Канады. Понятно, что отношения с СССР и Восточной Европой занимали в ней менее значительное место, чем во внешней политике западноевропейских стран или США. Но какое именно? На заключительном этапе Второй мировой войны, когда СССР и Канада были военными союзниками, канадцы всерьёз надеялись на то, что после её окончания СССР может стать их третьим торговым партнёром, после США и Великобритании [5, р. 180]. На рубеже 1970–1980-х годов один известный канадский советолог сделал следующее признание: «С точки зрения Канады, важность отношений с СССР уступает только нашим отношениям с США, ЕЭС, Великобританией и Японией». При этом он предположил, что во внешней политике СССР отношения с Канадой занимают гораздо более низкое место [7].

Оценки, данные А. Балауайдером, не вполне соответствуют тому, что рассказывает Р. Форд. В своих мемуарах он, в частности, вспоминает о том, что в 1966 г. советский МИД ставил Канаду в мировой иерархии на 6-е место, выше Италии, и что некоторые эксперты были готовы поставить её ещё выше – впереди Великобритании [13, р. 98]. Или что примерно в то же время в Москве обсуждалась идея установления с Канадой «специальных отношений», по типу советско-французских [13, р. 118, 276].

Из воспоминаний канадских послов можно узнать и о том, что интересовало Канаду и СССР в опыте друг друга. По словам Р. Форда, канадцев интересовала советская политика в отношении эскимосского населения и отечественные технологии строительства в условиях вечной мерзлоты [13, р. 126]. Другой канадский посол в СССР Дж. Пирсон (1980–1982 гг.) дополняет этот список такими важными с точки зрения обмена опытом областями, как сельское хо-

зайство, технологии в нефтегазовой отрасли, телекоммуникации и проблема поддержки и социализации коренных народов Севера [24, р. xii].

С вопросом о месте нашей страны во внешней политике Канады коррелирует другой «зеркальный» вопрос – о месте Канады во внешней политике СССР, как его понимают канадские дипломаты. Согласно Р. Форду, «русские видели и всё ещё видят в Канаде важную, технически передовую североамериканскую державу, сталкивающуюся со многими проблемами, стоящими и перед их собственной страной. Им, как представляется, нравятся канадцы как народ и они даже восхищаются ими до некоторой степени, но озадачены их амбивалентной позицией в мире. Они смутно чувствуют, что у канадцев есть с ними что-то общее, что Канада достаточно богатая и крупная страна, чтобы принимать её в расчёт, но недостаточно сильная и агрессивная, чтобы им угрожать, и что канадцы, возможно, знают ответы на некоторые технические вопросы, которые сами они решить не способны» [13, р. 136].

Любопытно и приводимое Р. Фордом изложение фрагмента встречи канадского министра иностранных дел П. Мартина с генеральным секретарём ЦК КПСС Л.И. Брежневым, состоявшейся в 1966 г. Л.И. Брежнев якобы так сформулировал общий советский интерес к Канаде: «из-за её независимой линии во внешней политике, опыта в сельском хозяйстве в климатических условиях, почти идентичных российским, и быстрого развития её промышленной мощи» [13, р. 98].

Большое место в мемуарах Л. Пирсона и канадского дипломата Дж. Игнатъеффа, а также письмах и донесениях тогдашнего канадского посла в СССР Дж. Уоткинса занимает описание их встречи в Крыму в 1955 г. с руководителями советского государства Н.С. Хрущёвым и Н.А. Булганиным. Можно сказать, что это была установочная встреча, предопределившая характер российско-канадских отношений на долгие годы. На ней Н.С. Хрущёвым был сделан ряд принципиальных заявлений. Канадцы, по мнению некоторых специалистов, включая отечественных [1], восприняли их как угрозы.

В изложении Л. Пирсона*, говоря о возможной предстоящей войне, Хрущёв заявил, что «на этот раз выгодное географическое положение Канаде не поможет» [25, р. 208]. Хрущёв добавил, что «канадцы – brave вояки и что он надеется, что конфликта между Канадой и Советским Союзом никогда не будет», но ещё раз напомнил, что в следующий раз, если такой конфликт всё же случится, «отсидеться» у канадцев не получится, так как их страна находится на воздушном пути от СССР к США [25, р. 210]. Он также отметил, что у «русских есть кнопки», которые могут быть нажаты с разрушительными последствиями [25, р. 205].

В ответ на замечание Л. Пирсона, что «Канада не может чувствовать себя комфортно, пока отношения между СССР и США остаются неудовлетворительными», Хрущёв сказал, что в настоящий момент он не видит каких-то особых причин для беспокойства, и выразил надежду, что всё образуется» [25, р. 205].

* Здесь следует заметить, что Н.С. Хрущёв в своих четырёхтомных мемуарах не нашёл для описания этой встречи и даже для самого её упоминания ни одной страницы.

По возвращении на родину Л. Пирсон доложил об этом своём визите в Палате общин канадского парламента в январе 1956 г., сделал несколько публичных заявлений и ознакомил со своими дневниковыми записями канадских и британских дипломатов. При этом он исходил из того, что «советский режим, олицетворяющий коммунистический империализм, набирает силу и прочность, и что этот динамизм впечатляет, более того, он носит угрожающий характер».

Говоря о специфике канадо-советских отношений, канадские дипломаты отмечали две присущие им особенности: что их следует считать не столько двусторонними, сколько трёхсторонними, и что их общее состояние зависит от более широкого международного контекста. В мемуарах Р. Форда проводится важная мысль о том, что канадо-советские отношения никогда не следует рассматривать как сугубо двусторонние, что в них всегда присутствуют США, так что речь идёт о треугольнике Канада – США – СССР [13, р. 135]. Он также пишет о том, что временами разъяснял американскую политику руководителям СССР и, наоборот, советскую политику – американским дипломатам.

Этот же тезис подтверждает и Э. Лихи (*A. Leahy*), начинавшая свою работу в посольстве в Москве под руководством Р. Форда и занимавшая пост посла Канады в РФ в 1996–1999 гг.: «На состояние наших двусторонних связей наложили отпечаток отношения между двумя сверхдержавами. В трудные моменты Канада занимала позицию "моста" между ними, а Форд был громоотводом» [2, р. 132].

Форд пишет, что высказанную им идею о том, что в благоприятных международных условиях Канада пользуется большей свободой действий и может вести себя более независимо от США, чем во времена кризисов, полностью разделял Л. Пирсон [13, р. 91].

В других публикациях мысль о зависимости советско-канадских и российско-канадских отношений от общего состояния международной обстановки выражена ещё рельефнее: «контуры [двусторонних] отношений исторически определялись эволюцией международной системы. После 1945 г. рамки отношений между Оттавой и Москвой задавались принадлежностью двух этих стран к противостоящим блокам. Канадский интерес в этом расколоте мире состоял в том, чтобы улучшать перспективы мирного сосуществования между Востоком и Западом и расширять собственную свободу манёвра в качестве лояльного, но, в то же время, независимо мыслящего члена западного альянса. Эпизодические сближения с Москвой при благоприятных международных условиях позволяли добиваться обеих этих целей» [28, р. 164].

Ещё одна тема, красной нитью проходящая в воспоминаниях канадских дипломатов, – сходство и различия между Канадой и СССР/Россией.

Как отмечает Р. Форд, «в некотором отношении канадцам было проще адаптироваться к жизни в России, чем многим другим иностранцам. Огромность этой страны, превышающей по площади территории вторую страну мира Канаду в два раза, и долгие суровые зимы их не пугали. Ландшафт Центральной России напоминал им онтарийские и квебекские пейзажи Онтарио и Квебека, а жизнь в суровом северном климате порождала в канадцах некое чувство симпатии к русским, столь отличным от них в других отношениях» [13, р. 15].

В его воспоминаниях встречаются весьма тонкие наблюдения об отличиях в условиях ведения сельского хозяйства в СССР и в канадских прериях, а также об особенностях освоения Россией Сибири, а Канадой и США – западных территорий. Р. Форд, в частности, полагает, что Украина, бассейны рек Волги и Дона, Кубань и целинные земли северного Казахстана лучше подходят для выращивания зерновых, чем канадские прерии, потому что там можно сеять озимые сорта пшеницы, тогда как в Канаде – только яровые [13, р. 192]. По его мнению, главным отличием в покорении Россией Сибири, а Канадой и США – Запада, было то, что при сравнимом климате в Сибири не было таких плодородных земель, как в Северной Америке, и к тому же пригодные для обработки участки перемежались лесом, скалами и болотами. Что же касается богатейших месторождений золота, алмазов, олова, нефти, газа, железа и угля, то они были открыты в Сибири значительно позже [13, р. 214].

Форд особо отмечает некоторые черты в характере русских, которые делают работу посла в этой стране особенно деликатной: это обострённая реакция со стороны властей на критические по отношению к России публикации в канадских СМИ, а также высказывания отдельных политиков и парламентариев; неумение и нежелание признавать собственные ошибки; привычка во всем видеть подвох; плохое знание психологии других народов; любовь к pompезности и церемониям; советская страсть к гигантизму [13, р. 90-91, 131, 117, 229, 132, 122, 128].

Ещё один вопрос, волновавший всех без исключения канадских послов, – непонятность для западного человека, англосакса, поведения русских, усугубляемая информационным вакуумом. По словам Д. Уилгресса, «единственные русские, с которыми могли контактировать иностранцы, – это либо их собственная обслуга, либо служащие Народного комиссариата иностранных дел, которые были слишком заняты для того, чтобы установить с зарубежными дипломатами какие-либо отношения, помимо самых поверхностных» [31, р. 373]. Он жалуется на «чрезмерно скрытный характер советских служащих, с трудом предоставляющих "потенциальному врагу" даже самую невинную информацию» [Цит. по: 22, р. 16].

По наблюдению Дж. Холмса, «по причине ли гордости или излишней секретности русские всегда действовали без объяснений» [18, р. 53]. Он пишет: «Русские, возможно, непреднамеренно делали всё для того, чтобы поддерживать самые мрачные предположения. Обычный для дипломатов обмен мнениями с представителями Народного комиссариата иностранных дел был невозможен... Мы не знали, что могут предпринять русские» [18, р. 51]. Ему вторит Дж. Уоткинс: «Кремль не выдал дипломатам ни одной своей тайны» [20, р. 14].

Р. Форд делает упор на «азиатском» и «византийском», по его мнению, характере русских: «многие политические обозреватели сказали бы, что «Россия – это Азия... Мало того, что 2/3 её территории расположено в Азии. Фактически, большая часть европейской части России находилась под монголо-татарским игом в течение столетий, а Крым, Казанское ханство и Азербайджан были такими же азиатскими, как Турция. Характер русских был и всё ещё остаётся во многих отношениях более восточным, чем у некоторых народов, имеющих азиатское происхождение, например финнов и венгров.

...Азиатское будущее русских вряд ли может быть поставлено под вопрос, поскольку большая часть обширных природных ресурсов этой страны находится в Сибири» [13, р. 213; 14, р. 295].

В то же время Форд бросает упрёк и в адрес западных политиков, когда пишет о том, что Запад в целом и США в частности очень часто демонстрирует невосприимчивость к законным озабоченностям СССР в сфере безопасности [13, р. 249]. Этот же мотив присутствует и в воспоминаниях Д. Уилгресса.

Некоторые выводы и итоги

В заключение хотелось бы остановиться ещё на трёх моментах.

Во-первых, внешнеполитический курс Канады на советском направлении, особенно на начальном этапе, не был твёрдо заданным. Советолог Д. Пейдж, например, пишет о том, что мнение Д. Уилгресса никогда не считалось единственно верным в Оттаве [22, р. 26], а рецензент Дж. Тейлор – что во времена П.Э. Трюдо «другие советники в своих оценках расходились с мнением Р. Форда» [29, р. 499]. Таким образом, помимо генеральной линии Пирсона–Уилгресса, продолженной Дж. Холмсом и Р. Фордом, внутри канадского МИДа существовали и другие точки зрения.

Так, можно предположить, что за более мягкую политику в отношении СССР выступал посол Канады в Москве Дж. Уоткинс, пока его взгляды не были раскритикованы лично министром иностранных дел Канады. После поездки в СССР в 1955 г. Пирсон написал ему в письме, что он не убеждён «в мирных целях политики российского правительства». Вслед за этим Уоткинс был отозван в Оттаву, не прослужив послом в Москве и двух лет [11, р. 114].

Напротив, сторонником проведения более жёсткого курса в отношении СССР был второй секретарь канадского посольства в Москве А. Смит (*A. Smith*)*, который во время отсутствия с апреля по октябрь 1945 г. в Москве Д. Уилгресса, включённого в состав делегации Канады для участия в Сан-Францисской конференции, подготовил и послал в Оттаву несколько дипломатических донесений. Их тон и содержание настолько сильно контрастировали с посланиями Д. Уилгресса, что поверенный в делах Канады в СССР Л. Мейранд (*L. Mayrand*) даже отказывался визировать некоторые из них [15, р. 84]. А. Смит, в частности, утверждал, что с начала 1945 г. целью внешней политики СССР стало создание в Европе «санитарного кордона», который должен был быть экономически тесно связан со страной-освободительницей и в котором советское влияние носило бы исключительный характер. С подачи американского и британского послов в Москве он также сообщал об ужесточении методов и средств советской дипломатии и о растущем нежелании сотрудничать с союзниками в вопросе создания системы послевоенных международных организаций. В качестве ответных мер Запад, по мнению А. Смита, мог бы ужесточить позиции на переговорах с СССР по широкому кругу вопросов (репарации, выплата полученных СССР в годы войны кредитов, судьба освобождающихся колониальных стран в Азии, восстано-

* А. Смит работал в канадском посольстве в СССР дважды: вторым секретарём в 1943–1945 гг. и послом в 1961–1963 годах.

ние экономики Западной Европы и идеологическая борьба между социализмом и капитализмом в мире), создать сильный западный блок с участием США и Великобритании и «выдавить» СССР из ООН. Послания А. Смита были переданы на экспертизу работавшему в центральном аппарате канадского МИДа в Оттаве третьему секретарю Л. Малани, который принял сторону Д. Уилгресса, отметив, что А. Смит не просчитывает возможную реакцию СССР на предлагаемые им изменения в политике Запада. Тем не менее, соображения А. Смита были доложены премьер-министру М. Кингу, который нашёл их весьма интересными и даже согласился с некоторыми из них, но отказался предпринять что-то конкретное, чтобы не осложнять советско-канадские отношения [22, р. 22-24]. Заместитель Верховного комиссара (посла) Великобритании в Оттаве полагал, что А. Смит оказывает на политику канадского правительства «немалое влияние», а канадский историк Д. Пейдж окрестил А. Смита «провозвестником холодной войны» [22, р. 38, 36].

Во-вторых, канадская политика в отношении СССР в конце Второй мировой войны и в первые послевоенные годы отличалась от американской и британской и может быть в целом охарактеризована как умеренная. Лучше других это сформулировал Дж. Холмс, хотя об этом писали и другие авторы [23, р. 577-604; 5, р. 148-198]. В одной своей работе он выразился так: «канадцы были немного более расположены, чем их союзники, верить русским на слово» [19, р. 17]. В другой книге он дал более развёрнутое объяснение: «В целом, канадское отношение к политике и намерениям СССР было менее категоричным. У канадцев было больше сомнений. Мы неумеренно старались быть умеренными. ...Канадские дипломаты, особенно Д. Уилгресс, были, возможно, более восприимчивыми к русским озабоченностям, хотя и беспочвенным, чем американский Госдеп или британский Форин офис. ...Оглядываясь назад, можно назвать канадцев “ранними сторонниками разрядки”» [17, р. 31]. В обосновании этой своей позиции Дж. Холмс приводит следующие аргументы: канадцы были не склонны связывать освободительное движение в Азии с «рукой Москвы» и были готовы начать переговоры о дипломатическом признании КНР ещё в июне 1950 г., однако из-за начала Корейской войны сделали это только 20 лет спустя, но всё равно раньше американцев; они высказывали сомнение в монолитном единстве Коммунистического интернационала и не рассматривали свержение коммунистических режимов в качестве практического допущения, фактически выступая за сосуществование с ними. Холмс видел существо различий с американцами в перспективах и тактике. По его мнению, канадское политическое руководство придерживалось менее пессимистичного взгляда на политику СССР.

Косвенным подтверждением различий между стилем работы американских и канадских дипломатов может служить оценка, высказанная постоянным представителем СССР в ООН А.А. Громыко в разговоре с супругой канадского представителя в Комиссии по атомной энергетике ООН генерала Э. Макнотона (*A. McNaughton*). Сравнив его поведение на переговорах в Париже по атомной энергетике в июне 1947 г. с действиями американского представителя Б. Баруха (*B. Baruch*), Громыко высказался так: «Как легко работать с генералом, он никогда не бывает грубым» [Цит. по: 5, р. 187].

И в-третьих, политика Канады на советском направлении использовалась Оттавой как средство для достижения более широких внешнеполитических целей. В частности, определенная свобода манёвра, которую Канада имела в отношениях с СССР в периоды ослабления международной напряжённости, умело обыгрывалась ею для демонстрации независимости своего внешнеполитического курса и его отличия от линии Вашингтона.

* * *

Несмотря на то, что с момента опубликования воспоминаний, книг и статей Л. Пирсона, Д. Уилгресса, Дж. Холмса, Р. Форда и других канадских дипломатов прошло уже несколько десятилетий, коренным образом изменивших жизнь нашей планеты, можно предположить, что некоторые высказанные в них мысли и наблюдения не потеряли своей актуальности.

Об этом же свидетельствует и недавнее издание в Канаде двух монографий, посвящённых личности и творческому наследию Р. Форда [27] и Дж. Холмса [9], которые удостоились обстоятельных рецензий в «Интернэшнл джорнел» [29; 21]. А отставной дипломат К. Робертсон, ставший известным аналитиком, в статье в «Глоб энд мейл» не только отметил непреходящую ценность многих мыслей Р. Форда о нашей стране, но и посоветовал ознакомиться с его мемуарами тогдашнему премьер-министру Канады С. Харперу [26]. Мемуары первых канадских послов в СССР не устарели и до сих пор привлекают повышенное внимание историков, работающих в Москве иностранных дипломатов, а также русистов.

Список литературы

1. *Аггеева И.А.* Советская дипломатия в Канаде и приход Трюдо // Холодная война и политика разрядки: дискуссионные проблемы. / Отв. ред. Н.И. Егорова, А.О. Чубарьян. М., 2003. Т. 2. с. 317-319 [*Aggieeva I.A.* Soviet Diplomacy in Canada in the Trudeau Years. In: Cold War and the Policy of Détente: Problems and Discussions. Ed. by N. Yegorova and A. Tchubarian. M., 2003. Vol. 2. P. 317-319]
2. *Лихи Э.* Роберт Форд: наш человек в Москве. Перевод с англ. И.М. Денека // Размышления о Канаде. Историко-культурологический альманах / Отв. ред. В.И. Коленеко. Выпуск 3. Москва, 2007, с.127–134 [*Leahy A.* Robert Ford: Our Man in Moscow // Bout de papier. Magazine of Diplomacy and Foreign Service. Ottawa. Fall 1998. № 3. P. 33-35.]
3. *Пирсон Л.Б.* Демократия в мировой политике. Москва; Издательство иностранной литературы, 1956, 84 с. [*Pearson L.B.* Democracy in World Politics. Princeton, N.J., Princeton University Press, 1955.]
4. *Andrew A.* The Rise and Fall of a Middle Power. Canadian Diplomacy from King to Mulroney. Toronto, 1993. 186 p.
5. *Aronson L. and Kitchen M.* The Origins of the Cold War in Comparative Perspectives: American, British and Canadian Relations with the Soviet Union, 1941-1948. New York: St. Martin's Press, 1988. 232 p.
6. *Balawyder A.* Canada in the Uneasy War Alliance // Canadian-Soviet Relations, 1936-1980. Ed. by A. Balawyder. Mosaic Press, 1981. P. 1-14.
7. *Balawyder A.* Preface // Canadian-Soviet Relations, 1936-1980. Ed. by A. Balawyder. Mosaic Press, 1981.
8. *Bercuson D.J.* "A People so Ruthless as the Soviets": Canadian Images of the Cold War and the Soviet Union, 1946-1950 // Canada and the Soviet Experiment: Essays on

Canadian Encounters with Russia and the Soviet-Union, 1900-1991. Toronto: Canadian Scholars' Press Inc., 1994. P. 89-103.

9. *Chapnik A.* Canada's Voice. The Public Life of John Wendell Holmes. UBC Press, 2009. 384 p.

10. *Collins L.* Canadian-Soviet Relations During the Cold War // Canadian-Soviet Relations, 1936-1980. P. 41-60.

11. *English J.* Lester Pearson Encounters the Enigma // Canada and the Soviet Experiment: Essays on Canadian Encounters with Russia and the Soviet-Union, 1900-1991. Toronto: Canadian Scholars' Press Inc., 1994. P. 105-116.

12. *Farrell R.B.* The Making of Canadian Foreign Policy. Scarborough, Ontario: Prentice Hall of Canada, 1969.- 181 p.

13. *Ford R.* Our Man in Moscow: A Diplomat's Reflections on the Soviet Union. Toronto, Buffalo, London: University of Toronto Press, 1989. 356 p.

14. *Ford R.A.D.* A Moscow Literary Memoir: Among the Great Artists of Russia from 1946 to 1980. Ed. by C. Jerome. Toronto, Buffalo, London: University of Toronto Press, 1995. 307 p.

15. *Granatstein J.L.* Changing Alliances: Canada and the Soviet Union, 1939-1945 // Canada and the Soviet Experiment: Essays on Canadian Encounters with Russia and the Soviet-Union, 1900-1991. Toronto: Canadian Scholars' Press Inc., 1994. P. 75-88.

16. *Hilliker J., Barry D.* Canada's Department of External Affairs. Vol. II: Coming of Age, 1946-1968. Montreal & Kingston, London, Buffalo, 1995. 496 p.

17. *Holmes J.W.* Life with Uncle: The Canadian-American Relationship. Toronto, Buffalo, London: University of Toronto Press, 1981. 144 p.

18. *Holmes J.W.* Moscow 1947-1948: Reflections on the Origins of My Cold War // Canada and the Soviet Union: from Cold War to Détente and Beyond. Kingston: Ronald P. Frye & Company, 1989. P. 41-55.

19. *Holmes J.W.* The Shaping of Peace: Canada and the Search for World Order, 1943-1957. In 2 Vols. Vol. II. Toronto: University of Toronto Press, 1982.

20. Moscow Despatches. Inside Cold War Russia. John Warkins. Ed. and with an Introduction by D. Beeby and W. Kaplan. Toronto: James Lorimer & Co., 1987. 150 p.

21. *Noble J.J.* Review: Canada's Voice. The Public Life of John Wendell Holmes by Adam Chapnick // International Journal. Spring 2010. P. 495-498.

22. *Page D.* Getting to Know the Russians -1943-1948// Canadian-Soviet Relations 1936-1980. Ed. by A. Balawyder. Oakville, Ontario: Mosaic Press, 1981. P. 15-40.

23. *Page D., Munton D.* Canadian Images of the Cold War 1946-1947// International Journal. (Summer 1977). P. 577-604.

24. *Pearson Ge.* Forward // Nearly Neighbours. Canada and the Soviet Union: From Cold War to Détente and Beyond. Kingston: Ronald P. Frye & Company, 1989. P. xi-xii.

25. *Pearson L.* Mike. The Memoirs of the Right Honourable Lester B. Pearson. In 3 Vols. Vol. 2: 1948-1957. Toronto and Buffalo: University of Toronto Press, 1973. 344 p.

26. *Robertson C.* We Don't Need a New Cold War // The Globe and Mail. 18.02.2014.

27. *Ruud Ch.* The Constant Diplomat. Robert Ford in Moscow. Montreal and Kingston: McGill-Queen's. 303 p.

28. *Sarty L.* A Rivalry Transformed: Canadian-Soviet Relations to the 1990s // Canada and the Soviet Experiment: Essays on Canadian Encounters with Russia and the Soviet-Union, 1900-1991. Toronto: Canadian Scholars' Press Inc., 1994. P. 151-169.

29. *Taylor J.H.* Review: The Constant Diplomat Robert Ford in Moscow by Ch. A. Ruud // International Journal. Vol. 65. No. 2. (Spring 2000). P. 498-500.

30. *Westdal C.* A Quiet Ruin // Literary Review of Canada. 2012. No. 10. review-canada.ca/magazine/2012/10/a-quiet-ruin/ (accessed 10.11.2013).

31. Wilgress D. From Siberia to Kuibyshev. Reflections on Russia, 1919-1943 // International Journal. September 1967. Vol. 22. No. 3. P. 364-375.

The Origins of Canada's Russian Policy

(USA ❖ Canada Journal, 2016, no. 9, p. 3-18)

Received 18.05.2016.

KOMKOVA Elena Gennadievna. Institute for the U.S. and Canadian Studies, Russian Academy of Sciences (ISKRAN). 2/3 Khleby per., Moscow, 121069, Russian Federation (racs@yandex.ru).

The article is based on the analysis of activities and reporting by first Canadian Ambassadors and Chargés d'affaires in Moscow – Dana Wilgress (1942-1947), John W. Holmes (1947-1948), and Robert Ford (1947, 1951-1954, 1964-1980), who have had a significant influence on the formulation and implementation of Canadian Government's policy towards the Soviet Russia.

Keywords: *Soviet-Canadian and Russian-Canadian relations; Cold war; Canada's Russian policy; Lester Pearson; first Canadian Ambassadors and Chargés d'affaires in Moscow: Dana Wilgress, John W. Holmes, and Robert Ford.*

About the author:

KOMKOVA Elena Gennadievna, Doctor of Sciences (Economy). Head of Political Section, Canadian Department.